

ЮРІЙ НИКИТИЧЪ БАРТЕНЕВЪ ¹⁾.

1843.

Жизнь въ Крыму.

1-го Января 1843 года знакомые сосѣди Юрія Никитича поспѣшили принести ему свои поздравленія, а также пріѣхалъ въ первый разъ директоръ Никитскаго сада Гартвисъ. Своими познаніями въ ботаникѣ и живою интересною бесѣдой большою Юрій Никитичъ очаровалъ своего гостя. День закончился чтеніемъ *Méditations religieuses* и слѣдующею записью въ дневникъ: «Сегодня я развлекался, оживотнился и безъ упрековъ совѣсти... Мнѣ извѣстно, что я повравился директору Никитскаго сада. Нравлюсь ли я Господу? Вотъ это витальный вопросъ для меня. Господи, не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, ибо не оправдался предъ Тобою всякій изъ живущихъ.» И тутъ же довольно наивно прибавлено: «Дозволь мнѣ осмотрѣть Никитскій садъ и всѣ здѣшнія дачи! Или участь моя будетъ одинакова съ тѣми, которые не увидѣли обѣтованной земли?»

На слѣдующій день пришелъ къ Юрію Никитичу самъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, долго сидѣлъ у него и давалъ читать собственноручное Французское письмо Государя. Въ немъ Государь называлъ князя любезнымъ другомъ своимъ; пенялъ, что тотъ не пишетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ; говорилъ, что весь царскій домъ его не только помнитъ, но и чувствуетъ въ немъ недостатокъ. «Съ сердечнымъ огорченіемъ», писалъ Государь, «смотримъ мы на то мѣсто, на тотъ стулъ, гдѣ ты сиживалъ, и все еще думаемъ видѣть тебя, но тебя уже нѣтъ съ нами».

Неудача Печерской компаніи ²⁾ сильно заботила Юрія Никитича, и онъ рѣшился написать по этому поводу письмо къ министру государственныхъ имуществъ, графу Киселеву, а чтобы привлечь особое вниманіе на свое дѣло вліятельнаго сановника, съ которымъ онъ былъ мало знакомъ, просилъ графа Воронцова замолвить свое вѣское слово.

¹⁾ См. „Русскій Архивъ“ 1898, II, 67.

²⁾ См. тамъ же, II, 67—68.

Письмо къ графу М. С. Воронцову.

Сіяте́льнѣйшій графъ, милостивый государь!

Беру смѣлость представить вниманію вашего сіятельства повтореніе той покорнѣйшей просьбы моей, которую я имѣлъ честь лично объяснить вамъ во время проѣзда вашего изъ Петербурга въ Ялту. Она состоитъ въ томъ, чтобы вы, сіятельнѣйшій графъ, высоконачальническою волею вашею ускорили дѣло извѣстной вамъ Печорской компаніи (въ которой я состою однимъ изъ первоначальныхъ ея основателей), продолжающейся уже почти два года. Я бы, конечно, не позволилъ себѣ утруждать васъ, если бъ, во-первыхъ: не былъ увѣренъ въ колоссальной пользѣ, имѣющей отъ того развиться для общей родины нашей, Россіи; а во-вторыхъ: если бъ вы сами обязательно-благосклоннымъ вниманіемъ вашимъ не дали мнѣ того простора и той увѣренности, что для широкаго Русскаго сердца вашего не чуждо все человѣческое...

Осмѣлюсь ли сказать вамъ нѣсколько словъ и о себѣ? Угодно-ли вамъ будетъ узнать, что, на другой день пріѣзда моего на южный берегъ Крыма, я заболѣлъ тяжкою болѣзнію и съ этого несчастнаго второго дня я лежу по сіе время на скорбномъ ложѣ страданія? Благодатный старецъ очень часто посѣщаетъ меня, сидитъ у моей кровати подолгу, и о чемъ мы съ нимъ не перебесѣдовали! Частная его корреспонденція, факты прошедшаго времени, личные и государственные, чтеніе, современная политика, словомъ, все перебрали мы и перебираемъ до нынѣ въ уединенныхъ нашихъ агапіяхъ.

Князь постоянно ко мнѣ милостивъ и вѣренъ той доблестной истинѣ, гдѣ утверждается, что любовь оплачивается одною только любовью. Я сказалъ, что и политика служить предметомъ бесѣды нашихъ, и точно мы не могли не остановить вниманія на томъ яркомъ современномъ событіи, гдѣ сердечная стачка дѣлаго иноплемennаго государства единодушно захотѣла избрать Русскаго дворянина въ свои владыки и повелители и что даже иностранный публицизмъ, наиболѣе независимый въ изложеніи своего мнѣнія, поддерживаетъ и раздѣляетъ это чаяніе языковъ *). Представляя себѣ съ одной стороны такую лестную овацію, гдѣ васъ, какъ втораго Цинцината, требуютъ на пользу и благо общее; съ другой, припоминая дорожный рассказъ вашъ, гдѣ христіанское смиреніе ваше удивлялось и тому, что при проѣздѣ черезъ

*) Конечно, слова эти могутъ относиться только къ Франціи, гдѣ М. С. Воронцовъ пользовался общимъ сочувствіемъ: но мы никогда не слыхали ничего подобнаго и просимъ лицъ знающихъ разъяснить вамъ, о чемъ именно здѣсь идетъ рѣчь. Ю. В.

нѣкогда облагодѣтельствованный вами край, васъ еще въ немъ не забыли—привожу въ удивленіе душу мою. Простите здѣсь моему провинциализму, но я возму смѣлость приложить печатный листокъ, достигнувшій и до нашего уединенія, гдѣ, какъ выше упомянуто, этотъ независимый публицизмъ выражаетъ свое мнѣніе. Беру смѣлость думать, что вы его не читали; ибо знаю, что тѣ, кто наиболѣе и безпристрастнѣе трудится для блага общаго, мало обращаютъ вниманія на похвалу или осужденіе толпы. Доказательствомъ тому служить нынѣшній король Швеціи, которому неизвѣстно даже и то, что печатается о немъ похвального въ школьных книгахъ его государства. Но Богъ да сохранить васъ для нашей святой родины; но святое Его Провидѣніе да допустить окончить все то многоразличное добро, которое задумала свѣтлая душа ваша для блага вѣрнной вамъ паствы; но высокая чреда, на которую вызваны вы волею мудраго и прозорливаго Государя, безъ сомнѣнія, подавить въ васъ это внутреннее сладкое сознаніе для человѣка, что вѣрять любви его къ святому человечеству, вѣрять его добродѣтели: ибо что и добродѣтель, какъ не любовь облеченная въ дѣйствованіе?

Вспомните, добрый Русскій сановникъ, что во время золотого вѣка Антоновичъ истинные Римскіе патриціи не хотѣли ни Египта, ни Испаніи, ни Азіи...

Простите меня, что глубокое, отдѣленное отъ всѣхъ уединеніе заставило меня вылить душу мою предъ вами, человѣкъ по моему сердцу! Въ водоворотъ міровой дѣтельности вашей, вамъ некогда обслѣдить мое намѣреніе; я выскажу его вамъ словами Нестора изъ поэтовъ нашихъ:

Почувствовать добра пріятство
Такое въ свѣтѣ есть богатство
Какого Крезъ не собиралъ!

Еще одно слово, ваше сіятельство, послѣднее слово сердечной благодарности за тотъ благосклонный отзывъ, который вы сдѣлали обо мнѣ старцу моему, во время пребыванія вашего въ Москвѣ. Я сложилъ его въ память сердца, исполненнаго къ вамъ живѣйшей признательности, высокаго уваженія и той совершенной преданности, съ которыми и пребыть честь имѣю.

Извините меня и не разсмѣйтесь за готическій почеркъ пера: я пишу письмо лежа, по причинѣ моей болѣзни.

4-го Января 1843 года.
Селеніе Коренскъ.

Подъ 4-мъ числомъ, Января въ дневникѣ находится слѣдующая забавная записка, показывающая, какъ этотъ человѣкъ умѣлъ соединять въ себѣ самыя противоположныя склонности и пополнять свои научныя познанія при совершенно неподходящихъ случаяхъ.

«Передъ обѣдомъ получилъ я корзину съ фруктами отъ директора Гартвиса изъ Никиты; въ корзину находились также двѣ бутылки ихъ производства на пробу. При каждомъ изъ фруктовъ, завернутомъ въ бумажку, лежала цыдулка съ Латинскимъ его названіемъ. Желая соединить влеченіе лакомства съ наукою, я началъ повѣрять монографіи фруктовъ съ описаніемъ имѣющагося у меня трактата Ноазетова¹⁾; нѣкоторыхъ фруктовъ не нашелъ, а три вида отыскалъ и замѣтилъ крестикомъ. Одну изъ грушъ хотѣлъ свѣрить съ описаніемъ, но жестокая Катя²⁾ поторопилась облупить ее и, такимъ образомъ, не пропавъ для желудка, она пропала для науки».—Въ тотъ же день онъ получилъ отъ графа Воронцова, при ласковомъ письмѣ, два экземпляра календаря Новороссійскаго и по этому поводу написалъ графу въ Одессу слѣдующее:

«Почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 29-го Декабря и при ономъ два экземпляра Новороссійскаго календаря на текущій годъ, имѣлъ честь получить. Одинъ изъ нихъ, по желанію вашему, я уже и успѣлъ представить его сіятельству, нѣсколько разъ посѣтившему меня на праздникахъ.

Нужно ли много распространяться въ увѣреніяхъ сердечной моей преданности къ вамъ, сіятельнѣйшій графъ, за обязательность вниманія вашего и за ту христіанскую память, которая не обронила моего имени изъ любви исполненнаго сердца вашего? Пріятель мнѣ вашъ подарокъ, какъ знакъ благовоительнаго привѣта; но еще пріятнѣе потому, что моя признательность, вѣроятно, и въ этой эмеридной книгѣ, отыщетъ какое-нибудь новое привношеніе труда, новую вашу вкладку на пользу края, гдѣ такъ возвышенно красуется благословенная дѣятельность ваша.

Мудрые язычники утверждали, что жизнь есть должность; а для васъ, возлюбленный графъ, должность есть жизнь. Пусть же продлитъ Провидѣніе жизнь эту на долгое и долгое время; пусть она радуется всѣхъ и каждого, кто ищетъ счастье знать васъ лично, чего отъ сердца вамъ желаетъ страждущій больной, равномѣрно, какъ желаетъ всякаго

¹⁾ Louis Claude Noissette (1772+1849), Французскій агрономъ. Вѣроятно Ю. Н. имѣлъ его Manuel complet du jardinier. Paris 1825—1827, 4 vs. Ю. Б.

²⁾ Супруга Ю. Н. Бартечева, Екатерина Степановна.

добра и достойной, сочувствующей вамъ во всемъ подругѣ вашей и всему благодатному дому вашему.

5-го Января 1843 года.

Селеніе Коренскъ.

5-го Января опять пришелъ къ Бартеневу князь А. Н. Голицынъ. «Между прочимъ», записано въ дневникѣ, «я попросилъ его помолиться обо мнѣ. «Пытаю я за тебя молиться, отвѣчалъ князь; но видно грѣшная моя молитва не доходить къ Богу». Это сказалъ онъ, и слезы брызнули изъ глазъ его. Какъ же мнѣ послѣ того не любить его, какъ не быть предану? Научи только, Господи, научи исполнить въ отношеніи его волю Твою!»

А исполнять добросовѣстно свои обязанности къ одряхлѣвшему начальнику становилось весьма трудно: сестра князя дѣлала все, чтобы охладить его къ Юрію Никитичу, который, будучи боленъ, не могъ противиться навѣтамъ, не могъ разорвать ту тонкую сѣть обмановъ и интригъ, которая все болѣе и болѣе опутывала престарѣлаго сановника, со зрѣніемъ терявшаго и духовныя силы.

Смущаемый предчувствіями недобраго, Ю. Н. видѣлъ тревожные сны; онъ сдѣлалъ слѣдующую запись въ дневникѣ, которая любопытна по тому, что даетъ подробности о князѣ Голицынѣ. «Видѣлъ я, будто бы князь прислалъ мнѣ свой крестъ, тотъ самый, который онъ носитъ на груди. Этотъ крестъ украшенъ драгоценными камнями и подаренъ ему Іерусалимскимъ патріархомъ. Не предзнаменуетъ ли мнѣ этотъ сонъ какой-нибудь бѣды? Да будетъ воля Божія! Катя моя прекрасно сказала, что если крестъ пришлютъ, то и силы дадутъ; худо если мы сами чему нибудь виноваты, то крестъ, произвольно нами призванный, есть тяжелъ и несносенъ». Находясь въ «ожесточеніи сердца, съ душою потерпѣвшею крушеніе», Юрій Никитичъ не переставалъ дѣлать добро, представилъ своему благодѣтелю воспитаннику управительницы Корейса, бѣдную дѣвушку Лизаньку Франкъ, и выпросилъ для нея позволеніе посѣщать домъ князя, хлопоталъ о наградѣ для князя Козловскаго и пр.

Князь Александръ Николаевичъ все болѣе и болѣе поддавался вліянію одной ясновидящей*), которая письменно давала ему врачебныя совѣты, и Юрій Никитичъ находился въ «махімѣ своего смущенія». Онъ записалъ въ дневникѣ: «Утромъ всталъ помолиться—нѣтъ молитвы, нѣтъ возвращенія, нѣтъ благоговѣнія, нѣтъ страха Божія, нѣтъ ничего хорошаго. Во всякомъ случаѣ я великій грѣшникъ, но грѣшникъ Бо-

*) Дѣвцы Вязноватовой. Объ ней придется говорить ниже. Ю. Б.

жій, какъ сказалъ мнѣ схимникъ Кіевскій». Стали ему приходить въ голову мысли объ отставкѣ, такъ какъ онъ не видѣлъ возможности быть полезнымъ своему князю.

Одно время дѣла Печерской компаніи поправлялись, въ ея члены-учредители избранъ баронъ Коръ, и Юрій Никитичъ приободрился; но отъѣздъ изъ Крыма князя Мещерскаго повергъ его въ великое уныніе: не стало человѣка, который защищалъ его передъ благодатнымъ старцемъ отъ нападковъ «дѣвицы Кологривой».

Тянулись томительные дни, оживляемые лишь посѣщеніями князя, приносившаго больному то описаніе рая Оомы Бромлея, то романы Евгенія Сю, да чтеніемъ то Тертуліана, то Арабскихъ сказокъ, то географія Малте-Брюна, то Цшокковыхъ размышленій, то Гиббона. «Господи», жаловался онъ самъ, «чего только я не читаю! Прости мнѣ мое разсѣяніе по окружности!» Великое утѣшеніе доставляла ему психологія Ботеня; онъ даже «цѣловалъ» книгу въ признательность къ автору, берегъ ее, какъ сокровищницу разумнія». А Ботень заставлялъ перелистывать Малебранша, Малебраншъ—Декарта.

За 24-ое Генваря читаемъ слѣдующую записъ: «Князь Александръ Николаевичъ посѣтилъ меня послѣ обѣдни и принесъ съ собою письмо Вѣры Алексѣевны¹⁾, которая увѣдомляетъ его, что Константинопольскій патріархъ служилъ въ церкви молебеніе о благополучномъ пребываніи князя на южномъ берегу Крыма; патріархъ такъ древень, что его принесли въ церковь. Такое усердіе было пріятно князю. . . . Пригласилъ своего доктора къ столу, говорили о философіи; онъ давалъ мнѣ знать подъ рукою, что фабрика идей въ человѣкѣ происходитъ въ его организмъ²⁾, а я отстаивалъ идеалы Платона и Малебранша».

Къ 11-му Февраля Ю. Н. на столько уже оправился, что могъ ходить гулять, а внезапный пріѣздъ князя Мещерскаго привелъ его въ радостное возбужденіе.

16 Февраля исполнился ему 51 годъ. «Довольно пожито для міра», записалъ онъ въ дневникъ свой, «натѣшилась душа всѣми феноменическими благами.; а она однако доселѣ впиваетъ въ себя спорадическій угаръ, я безумствую—прогнѣваю Господа. Князь Александръ Николаевичъ былъ у меня и приносилъ письмо отъ Императрицы собственноручное; письмо ласковое и дружеское, гдѣ между прочимъ писано

¹⁾ Муравьевой. Ю. Б.

²⁾ Тогда былъ въ модѣ слѣдующій афоризмъ: „Мозгъ выдѣляетъ мысль, какъ печь—жельчъ“. Около этого времени пріѣзжалъ въ Россію В. Пальмеръ. Онъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ (см. Рус. Архивъ 1894, III, 75) сообщаетъ о великомъ удивленіи одного Русскаго священника, узнавшаго изъ бесѣды съ нимъ, Пальмеромъ, что въ Англіи докторъ не есть синонимъ безбожника. Ю. Б.

было: прошелъ годъ, какъ князь лѣжится у ясновидицы, успѣха нѣтъ, нельзя ли обратиться къ извѣстному окулпсту? Государыня даетъ сей совѣтъ со всѣмъ увлеченіемъ мпlostиваго, даже, скажу, дружескаго чувства; вмѣстѣ съ этимъ она хвалитъ сестру князя, какъ единственную и дѣйственную жертву самоотверженія. Меня огорчаетъ, что не признаны заслуги и другихъ, показавшихъ если не болѣе того самоотверженія. У меня обѣдали обитатели нижняго этажа ¹⁾; послѣ обѣда принесли письмо и лѣкарство отъ графа Воронцова: письмо его, обязательное, вѣжливое, навѣвающее кротость. Съ нимъ онъ прислалъ извѣстное, общающее имъ, лѣкарство и формулярный свой списокъ, гдѣ одни походы составили бы цѣлую эпопею. Я былъ грустенъ въ августѣйшій день моего рожденія, не читалъ по обыкновенію Псалтиря и наканунѣ имѣлъ замѣчательный сонъ. Ночью вставалъ по обычаю ²⁾, но какъ-то трудно, вѣроятно отъ пластыря, въ которомъ положенъ опиумъ. Я принялъ намѣреніе убѣгать фамильярности и праздной бесѣды съ молодыми женщинами».

Приводимъ письмо графа Воронцова.

Мпlostивый государь Юрій Нептничъ!

Отъѣздъ С. Т. Ягницкаго ³⁾ даетъ мнѣ случай, давно ожидаемый, чтобы доставить вамъ бутылочку Индѣйскаго масла, которую, по правиламъ почты, черезъ такую послать вамъ было невозможно. Помня между тѣмъ желаніе ваше узнать подробно о моихъ походахъ на службѣ, посылаю вамъ съ сямъ же случаемъ и мой формулярный списокъ ⁴⁾; ежели же удастся мнѣ окончить ту записку о себѣ, которую я обѣщалъ одной изъ моихъ племянницъ, то также пришлю къ вамъ копію, не потому, что подробности такія достойны таковой чести, но потому, чтобы не ослушаться вашего требованія. Всѣ родившіеся въ такіе годы, чтобы жить и служить послѣдніе десять прошедшаго и первыя пятнадцать лѣтъ текущаго столѣтія, неминуемо видѣли много любопытнаго; по этому самому, и безъ всякаго отличнаго достоинства, мы, можетъ быть, попали въ люди интересные.

Я надѣюсь и желаю отъ всего сердца, чтобы Ягницкій нашелъ васъ въ совершенномъ здоровіи; по послѣднимъ извѣстіямъ, вамъ было гораздо лучше. Климатомъ вы должны быть довольны, ибо въ этомъ

¹⁾ То-есть О. К. Ницъ и Лизавья Францъ. Ю. Б.

²⁾ На молитву. Это дѣлалось для того, чтобы препоубждать „толщѣ матеріально-сти.“ Правила аскетика не позволяютъ предаваться глубокому, продолжительному сну. Ю. Б.

³⁾ Генералъ-майоръ, боевой товарищъ графа М. С., управлявшій его питеями. Ю. Б.

⁴⁾ Напечатанъ въ XXXV-й книгѣ „Архива Кнзя Воронцова“.

году и у насъ здѣсь о сію пору совсѣмъ нѣтъ зпмы. Я надѣюсь недѣль черезъ шесть быть у васъ на южномъ берегу и провести праздники съ вами. Дай Богъ, чтобы почтенный нашъ князь А. Н. рѣшился весною на операцію; князь И. О. Паскевичъ недавно писалъ ко мнѣ, что въ прошломъ году въ Варшавѣ одна дама, десятию годами старѣе князя А. Н. и точно въ такомъ же положеніи, выписала изъ Вѣны окулиста Егера (Jaeger); операція была легкая и удачная, и она съ тѣхъ поръ совершенно хорошо видитъ. Фельдмаршалъ очень желаетъ, чтобы этотъ случай послужилъ примѣромъ для нашего князя.

Прощайте, почтеннѣйшій Юрій Никитичъ; прошу васъ отъ меня поклониться любезному вашему семейству; жена моя вамъ усердно кланяется; вѣрьте истинной моей къ вамъ преданности. Графъ М. Воронцовъ.

Одесса, 3 Февраля 1843 г.

Продолжимъ выписки изъ дневника: «17-е Февраля. Чтеніе мое было сегодня христіанская философія Дю-Туа, исторія герцоговъ Бургундскихъ ¹⁾, Благословенныя размышленія Цшоке. Вечеромъ занимался практикой. Ночью подъ утро тоже. Ногу и спину мажу барсуковымъ жиромъ, который вытопилъ изъ живого барсука, принесеннаго мнѣ Татаркомъ вслѣдствіе совѣта даннаго мнѣ обывателемъ Крыма, княземъ Голицынымъ ²⁾. Вечеромъ и ночью были слабыя возношенія къ Источнику всякаго помплованія и утѣшенія. Все грустно, все боленъ, изъ воли Господа все хочу выйти; занимался и вздоромъ, читалъ свои Арабскія сказки; настоящій кавардакъ въ жизни и дѣлахъ. Прости, Господи, за душевную пустоту и внутреннюю суету.

22 Февраля. Князь Мещерскій приходилъ прощаться и принесть мнѣ сыра. Мы ѣли постный столъ. Разсматривалъ трактатъ объ Индѣйцахъ и буддизмъ Даніеля ³⁾. Перебиралъ Сенеку, пробѣгалъ газеты и въ нихъ продолженіе повѣсти Евгенія Сю. Вечеромъ страшный и опасливый помыселъ посѣтилъ меня; иногда Провидѣніе наказываетъ нашъ къ Нему невѣрности. Сегодня заходилъ ко мнѣ помощникъ Керченскаго почтмейстера, объѣзжающій станицы, и я спрашивалъ его о Черлесахъ и золотомъ курганѣ. Онъ сказывалъ мнѣ, что и при отъѣздѣ его изъ Керчи разрыли богатую могилу и нашли золотой вѣнецъ и таковые же браслеты, кромѣ того печать, вырѣзанную на агатѣ или тому подобномъ камнѣ. Идея подавляющая своею тяжестью, когда вспом-

¹⁾ Извѣстнаго Баранта.

²⁾ Это князь Дмитрій Григорьевичъ, женатый на графинѣ Марѣ Павловнѣ Платовой. П. В.

³⁾ Это сочиненіе совершенно намъ неизвѣстно. Ю. Б.

нишь, что эти тѣла были нѣкогда одушевлены жизнью, что страсти гнѣздились въ нихъ, что мышленіе озаряло ихъ самосознаніемъ и самовѣдѣніемъ, что воля произволяла и что теперь нѣтъ имъ имени и памяти. Эти люди жили до Рождества Христова. Кто они? Гдѣ они? Какъ были они? Все теперь мракъ и неизвѣстность.

Гдѣ всѣ тѣ, что прежде насъ
Ходили по свѣту?
Отошли они къ Харону
Въ Елпсей или къ Плутону,
Только здѣсь ихъ нѣту. ¹⁾

Замѣчательно, что при раскопаніи гробницы сводъ сдѣланъ изъ чистыхъ бѣлыхъ камней такъ крѣпко, что нынѣ не умѣютъ такъ дѣлать, и камни такъ еще свѣжи, какъ будто сегодня сдѣланы. Господи, упокой души неизвѣстныхъ, давно отошедшихъ людей, ради имени великой Маріи!»

Около этого времени Ю. Н. познакомился съ вдовою Михаила Феодоровича Орлова, дочерью Раевского; она жила на южномъ берегу Крыма. Изъ разговора съ нею, совершенно незначительнаго, мы узнаемъ, что Ю. Н. уже тогда былъ знакомъ съ Чаадаевымъ.

Благопріятель Ю. Н. Таврическій губернаторъ Александръ Ивановичъ Казначеевъ не забывалъ его и писалъ ему слѣдующія письма.

Письма А. И. Казначеева.

28 Февраля 1843 г. Симеерополь.

Любезнѣйшій Юрій Някитичъ! Не сѣтуйте на меня, если я доселѣ не успѣлъ усладить Крымскую горечь вашу Крымскими сладостями ²⁾: не болѣе 4-хъ дней, какъ удалось мнѣ возвратиться изъ Мухалатки, прямо на новую квартиру, гдѣ нашелъ я весь мой скорбъ еще въ хаосѣ, какъ бы вынесенный отъ пожара; а вы помните принципію Франклина: перемѣщеніе съ квартиры на квартиру стоитъ пожара. Едва я успѣлъ выбрать и прибрать самыя необходимыя для меня вещи, бумаги и книги, тотчасъ принялся за наши сладости, которыя при семъ къ вамъ и посылаю съ реестромъ: кушайте на здоровье! Цѣлую ручки у супруги вашей и В. Петровнѣ дѣлаю книксенъ, а васъ отъ добраго

¹⁾ Переводъ извѣстной пѣсни *Gaudeamus igitur*, намъ неизвѣстно кѣмъ сдѣланный; самъ Ю. Н. мало грѣшилъ стихотворствомъ. Ю. Б.

²⁾ А. И. Казначеевъ присылалъ Ю. Н. пробы разныхъ вареній и пастилъ изъ айвы, яблокъ, кизила. „Все, захѣщаетъ Ю. Н. въ дневникъ, дурно и недобросовѣстно приготовлено. Въ Крыму практическая жизнь въ младенчествѣ“. Ю. Б.

сердца обнимаю и прошу сказать мое глубокое почтеніе благодатному князю. Искренно любящій васъ А. Казначеевъ.

8 Марта 1843. Симферополь.

Любезнѣйшій и почтенный Юрій Никитичъ! Не взыщите, если поздно посылаю вамъ Мирошева *). Я только перебрался на другую квартиру, и все еще у меня въ хаосѣ; а устроить порядокъ приходится мнѣ своими руками. Поэтому не имѣлъ я времени ранѣе послать Мирошева и не имѣю времени болѣе писать на этотъ разъ. Получили ль вы сласти? Мирошева, по прочтеніи, прошу возвратить мнѣ сохранно, потому что книги не мои. Варвара Петровна можетъ простить и князю, если онъ еще не знаетъ Мирошева. Въ немъ тѣже достоинства и тѣже недостатки автора: герои всегда не тѣ, коихъ имѣетъ авторъ величаетъ свои творенія. Но что до этого? Достоинства велики, а недостатки малы. Весь вашъ А. Казначеевъ.

Мое почтеніе супругъ вашей; поклонъ Варварѣ Петровнѣ.

Лишь 4 Марта собрался Ю. Н. отвѣчать князю Воронцову на его любезное письмо.

«Сіятеľнѣйшій графъ, милостивый государь!

Почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 3-го Февраля, при немъ баночку съ лекарствомъ и списокъ о службѣ, я имѣлъ честь получить въ 16-й день того же мѣсяца, день моего рожденія. Князь Александръ Николаевичъ переслалъ мнѣ это письмо уже вечеромъ, и я встрѣтилъ его, какъ милого гостя въ моемъ глубокомъ уединеніи.

Сейчасъ же прочиталъ послужной списокъ вашъ и, подивившись сперва такому значительному количеству иностранныхъ орденовъ и отличій, которые скромность ваша припрятала за замокъ, потомъ еще болѣе удивился тому обширному раздѣлу и разгулю военныхъ подвиговъ вашихъ, достаточныхъ, пожалуй, и для обширной области, дабы составить ея эпопею.

«Всѣ родившіеся, чтобы жить и служить послѣднія десять прошедшаго и первыя пятнадцать лѣтъ текущаго столѣтія, неминуемо много видѣли любопытнаго; по этому самому, и безъ всякаго отличнаго достоинства, мы, можетъ быть, попали въ люди интересные» ест.

Вотъ какъ вы отзываетесь о своей эпопеѣ, истинно сіятельный графъ. Но я не такъ смотрю, и послужной списокъ, какъ онъ ни сухъ и кратокъ, однако ясно для меня разоблачаетъ ваше не смиреніе уже, а смиренномудріе.

*) Кузьма Петровичъ Мирошевъ. Русская быль временъ Екатерины II, сочиненіе М. Загоскина. 4 части. Москва 1842. Эта повѣсть очень понравилась Бартеневу. Ю. Б.

Что вами сказано о себѣ, къ вамъ вовсе не относится, а развѣ къ характерамъ пассивнымъ, къ той аристократической дремотѣ, которую обыкновенно на своемъ хребтѣ выносятъ волпы случайныхъ обстоятельствъ; онѣ, то-есть обстоятельства, малюютъ и раскрашиваютъ своихъ любимцевъ, а толпа безотчетно уже усваиваетъ пль и начало и успѣхъ всякаго подвига доблестнаго, будто бы предпринятаго на пользу службы, царя и отечества.

Но тотъ, который по сказкѣ формулярнаго списка стряхнулъ съ себя блестящій камергерскій мундиръ, чтобы встрѣтиться съ шашкою дикаго Черкеса и, бывши поручикомъ, искалъ, какъ истинный Славянинъ, изъ-за добра-ума, изъ-за простора жизни, изъ-за всякаго удобства ильги и самонаслажденія, искалъ, говорю, браннаго похмѣлья, столь сладкаго Русскому молодецкому сердцу, *тотъ не случайно попалъ въ интересные люди и пр. и пр.*

Но тотъ, который по сказкѣ формулярнаго списка, принадлежа къ одной изъ почетнѣйшихъ династій въ отечествѣ, и могущій даже по самому призванію средствъ и удобствъ различныхъ растянуть цѣлую жизнь свою въ dolce far niente, столь сладостное прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ камергерамъ и многимъ (скажу тихонько) поручикамъ гвардіи, выбираетъ по свободному произволу подвигъ тяжкій, смотреть на службу какъ на цѣль, а не средство, *тотъ не случайно попалъ въ интересные люди и пр. и пр.*

Но тотъ, который по сказкѣ формулярнаго списка, съ живымъ какимъ-то увлеченіемъ, не пропускаетъ ни одного малѣйшаго дѣла военнаго, въ которомъ бы самому не поучаствовать, который изъ ущелья Осетинцевъ, наскоро надѣвъ на себя семимильные сапоги бойкаго, нетерпѣливаго Русскаго чувства, добровольно перебѣгаетъ въ нихъ въ Шведскую Померанію, чтобъ ознакомиться покороче и съ Европейскимъ образомъ войны, *тотъ не случайно попалъ въ интересные люди и пр. и пр.*

Но тотъ, который уже не по сказкѣ формулярнаго списка, а по словамъ Наполеона, этого Агамемнона полководцевъ, названъ генераломъ по превосходству, когда при Краонѣ, сражаясь со всѣми его сплами, Бонапартъ, умѣвшій отдавать и достойному врагу справедливость, сказалъ: Русскіе уступили битвѣ, но выиграли генерала, *тотъ, повторю, не случайно попалъ въ интересные люди и пр. и пр.*

Но тотъ, который, опять не по сказкѣ формулярнаго списка, а по наглядному наведенію, холодный и будто бы медленный во вѣвшихъ движеніяхъ, прикрываетъ, однако, кипучее, ищущее сердце для всякаго достойнаго подвига, который волю свою въ преслѣдованіи этого подвига, умѣетъ возвышать до высоты мономаніи, безъ которой

ничего не дѣлается, ничего не созрѣваетъ великаго въ мірѣ, *топъ*, повторю, *не случайно попалъ въ интересные люди etc., etc...*

Берегъ, сіятельныйѣйшій графъ, берегъ! Стижусь своего акаѳиста; стыжусь озапатентованнаго сердца своего; стыжусь Византійскаго сгибарѣчей моихъ; стыжусь попасть въ густую Македонскую фалангу поклонниковъ, обыкновенно сопутствующихъ вельможѣ дѣятельному, веледушному, любознательному; стыжусь, п даже опасуюсь, чтобы мнѣ, какъ иѣкогда библейскому Исаву, не продать старшинства сердца своего, незамѣняемыхъ сокровищъ воли моей, за блюдо временнаго сочива; боюсь увлеченья темпераментальнаго, иногда разхоложивающагося; но за всѣмъ тѣмъ не стираю словъ моихъ: ибо, не смотря на опасенія самомнительности, я все, однако, повторю п повторю торжественно *что доблѣственный субъектъ формулярнаго списка не случайно попалъ въ интересные люди и пр. и пр... Dixi.*

Благодарю васъ за пріятную надежду, въ которой п остаюсь нѣкогда получить отъ васъ копію съ той записки о жизни вашей, которую вы приготавливаете для вашей племянницы; очень бы одолжили, еслибъ подарили меня этою запиской до отъѣзда еще вашего въ чужіе края.

Искренно благодарю васъ за мплостное вниманіе къ здоровью моему. Увы! вотъ пятый мѣсяць, какъ я его лишился. Когда боль въ ногѣ поутихла, тогда спива п бока заболѣли, п притомъ такъ, какъ у меня сроду не бывало. Въ концѣ Генваря все это поугомнилось, и когда я осмѣлился раза три прогуляться на свѣжемъ воздухѣ, дойти до ближней станціи, или до мосточка, то вдругъ получаю новую простуду, родъ неотступнаго коклюша, который, обыкновенно начинаясь въ часъ пополуночи, продолжается во всю ночь; я лишился сна п грудь мою разбило. Вотъ причина почему медилъ я отвѣтствовать на почтеннѣйшее письмо ваше: какъ начну псать, грудь заломитъ, нельзя нагибаться. Вы безъ сомнѣнія повѣрите, видя, какъ я дорожу вашимъ безцѣннымъ для меня вниманіемъ, п какъ бы я былъ готовъ показать вамъ всю мою преданность и признательность. Предчувствую, что скорое знакомство съ вамп будетъ только сладостнымъ для души воспоминаніемъ, п потому дорожу продлить минуты усѣченнаго и мпмолетящаго, но псегда отраднаго для меня, знакомства съ вамп. Кажется, что внутреннее чувство, внѣшнія обстоятельства, бесполезность настоящей жизни моей соединяются съ болѣзнію п съ безотрадною будущностью, чтобъ заставить меня оставить навсегда южный берегъ Крыма, оставить этотъ улыбавшійся мнѣ аттицизмъ вашего общества, къ которому, такъ-сказать, я только что могъ прикоснуться; наконецъ, что всего для меня болѣе, оставить старца, оставить бла-

годатнаго старца, съ которымъ столько лѣтъ я былъ въ свѣтломъ единеніи....

За нѣсколько часовъ до получения вашего письма его сіятельство посѣтилъ меня и заставилъ прочитать собственноручное къ нему письмо отъ Государыни Императрицы. Ея величество тоже самое изволилъ писать къ князю, что и вы въ вашемъ письмѣ, которое я передалъ ему на другой же день. Князь усердно благодарить васъ за извѣщеніе, но врядъ ли рѣшится на благоразумный и согрѣтый участіемъ совѣтъ вашъ...

Семейство мое благодарить васъ, достопочтенная и свѣтлая чета, за обязательную память къ нему, а я вновь свидѣтельствую и повторяю тысячу искреннихъ обѣтовъ и желаній привѣтливой супругѣ вашей, и вмѣстѣ съ симъ извиняюсь въ провинціальномъ многоглаголаніи письма моего, при желаніи всему дому вашему мира, здравія и удовольствія, съ высокимъ уваженіемъ и неліцемерною преданностію пребыть честь имѣю вашего сіятельства и пр.

4-го Марта 1843.

Селеніе Коренскъ.

6-го Марта князь, зайдя по обыкновенію къ Юрію Никитичу, давалъ ему читать неизвѣстныя письма и бумаги Суворова, въ томъ числѣ планъ взятія или завоеванія Царьграда.*) Не смотря на ласки и самое нѣжное участіе князя, въ Юріѣ Никитичѣ все болѣе и болѣе укоренялось намѣреніе ѣхать лѣчиться и затѣмъ окончательно выйти въ отставку, тѣмъ болѣе что 9-го Марта пришло извѣстіе о назначеніи князя Козловскаго чиновникомъ при князѣ А. Н. Голицынѣ. Все это сдѣлано было помимо Ю. Н., чѣмъ онъ былъ немало обиженъ, хотя самъ всячески выдвигалъ до сихъ поръ своего теперешняго сослуживца. Положеніе Ю. Н. становилось трудно, какъ это видимъ изъ слѣдующей записи отъ 10-го Марта.

«Посѣтилъ меня князь Александръ Николаевичъ. Разговоръ касался до одного изъ слугъ его, у котораго отнялся языкъ. Князь жалѣлъ объ немъ, смотрѣлъ на этотъ случай, какъ на событіе непредвидѣнное, видѣлъ въ этомъ слугѣ нравы и кротость монашескую, между тѣмъ всѣ мы знаемъ, что этотъ человѣкъ потерялъ языкъ отъ паралича, пришедшаго къ нему послѣ неумѣреннаго и отъявленнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ. А князь сказывалъ намъ, что онъ его посѣтилъ. Всѣ его приближенные старались обманывать бѣднаго старика, и въ первомъ планѣ этой системы сестра его, дѣвица Кологривая,

*) Объ этомъ планѣ мы ничего не знаемъ. Ю. Б.

въ причину поставляетъ, что не надо-де разочаровывать старца. Признаться я находилъ себя въ фальшивомъ положеніи, состоящемъ въ томъ, что я зналъ обманъ и не могъ сказать ему. Еслибы я сказалъ ему, тогда бы Спирра *) повторила свои увѣренія и я въ глазахъ его остался бы если не лжецомъ, то по крайней мѣрѣ одержимымъ докучливою мнительностью».

Однако надо было подумать о средствахъ къ жизни, еслибы отставка осуществилась. И вотъ Ю. Н. со свойственною ему стремительностью строить планы о возможности поддерживать свою жизнь торговлею: открыть въ Одессѣ коммисіонную контору по продажѣ хлѣба, сала и т. п.

14-го Марта посѣтилъ его генералъ Раевскій, пріѣхавшій повидаться съ княземъ. Въ дневникъ своемъ Бартепевъ записалъ слѣдующее: «Раевскій былъ начальникомъ войскъ, сражавшихся съ Черкесами; онъ бодро и гульливо водилъ строи наши противъ яростныхъ дикарей Европы. Полишемъ ростомъ и дородствомъ, онъ соединяетъ въ себѣ совершенно противоположныя влеченія: страсть повелѣвать фалангами со страстью и увлеченіемъ къ растеніямъ, цвѣтамъ, садоводству, вообще ко всѣмъ мирнымъ занятіямъ. На вопросъ, можно ли покорить Черкесовъ, онъ отвѣчалъ мнѣ, чтобы выбрали человѣка еще нестарого, сподручнаго: такой человѣкъ, положившій для себя идеаломъ покореніе Черкесіи, могъ бы, можетъ быть, достигнуть сего идеала и усвоить Россіи область внутри ея владѣній равную по величинѣ съ Французскимъ королевствомъ.»

Однако Юрій Никитичъ въ это время еще пользовался большимъ значеніемъ. Мы это видимъ изъ того, что нѣкто Горлиновъ, котораго Ю. Н. и въ глаза не видалъ, просилъ его похлопотать передъ княземъ Голицынымъ о пожалованіи его, Горлинова, въ камергеры. Письмо это весьма Бартепеву польстило; однако онъ, прослышавъ о предполагаемомъ пріѣздѣ Государя на Вознесенскіе маневры, рѣшилъ просить черезъ Голицына пенсіона и выхода въ отставку.

18 Марта Ю. Н. вышелъ на пѣшую прогулку и повстрѣчался съ княземъ А. Н.; тотъ успѣшилъ сообщить подробности о совершившемся чудѣ, служитель Семенъ, о которомъ мы говорили выше, получилъ вдругъ голосъ. Случилось это, восторженно говорилъ князь, черезъ откровительный сонъ. Присутствовавшій здѣсь Горлиновъ, братъ ищущаго камергерства, человѣкъ вполне самостоятельный, поддакивалъ обманутому старцу; но Ю. Н. прямо разъяснилъ обманъ, чѣмъ крайне опечалилъ и озадачилъ бѣднаго князя.

*) Т. е. сестра князя. Что значить *Спирра*, не знаемъ. Вѣроятно дѣйствующее лицо въ какомъ-нибудь изъ тогдашнихъ романовъ. Ю. Б.

Около этого времени, стоя на полуночной молитвѣ, Ю. Н. «въ первый разъ» пачаль только постигать, что ежели хотѣть быть христіанниномъ настоящимъ, то надлежитъ умереть міру и себѣ». Живѣ почувствовавъ «это обстоятельство», онъ рѣшилъ «безвозвратно отдать всего себя Господу». Это рѣшеніе придало ему духа; на слѣдующій день онъ былъ веселъ и шутливъ, но «шутка моя», пишетъ онъ, «была похожа на Сентябрьское солнышко, случайно посвѣтившее на отсырѣвшую и замокшую землю». Скоро явилось и «указаніе свыше» на то, что слѣдуетъ дѣлать. Приѣхавшая въ гости Зинаида Амвросіевна Цейеръ посоветовала Ю. Н. вѣхать лѣчиться не въ Одессу, а въ Симферополь. И еще явилось утѣшеніе. Видимо графъ Воронцовъ исполнилъ просьбу Ю. Н. и замолвилъ свое вѣское слово: графъ Киселевъ прислалъ ласковое письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, что «объ дѣлѣ Печерской компаніи, которое столь обширно, ничего не можетъ сказать рѣшительнаго, но что если оно окажется полезнымъ для отечества, то онъ не преминетъ привести его къ существованію».

Утѣшило Ю. Н. и письмо А. Н. Казначеева.

Молчаніе ваше, любезнѣйшій Юрій Никитичъ, начинаетъ меня беспокоить на счетъ вашего здоровья. Но Богъ милостивъ. Отвѣтовъ на свои письма не требую; лишь бы я зналъ, что вы здоровы и благополучны. Безкорыстіе мое распространяется на все и всѣхъ: люблю людей, не помышляя о томъ, любятъ ли они меня такъ же, какъ я ихъ. Любить—радуюсь; не любить—не сѣтую. Это, впрочемъ, до васъ не относится; эта общая моя идея и чувство.

Податель сего Григорій Матвѣевичъ Манчичъ, назначенъ почтмейстеромъ въ Яту. Прошу васъ принять его благосклонно и не оставлять, въ случаѣ нужды, своими совѣтами и покровительствомъ. Мнѣ онъ рекомендованъ за очень добраго и хорошаго человѣка, людьми достойными. Мое почтеніе супругѣ вашей и поклонъ В. Петровиѣ. Душевно васъ любящій: А. Казначеевъ.

Р. S. Мы ожидали вчера съ приѣзда графа и графини Воронцовыхъ; но вчера же узнали, что они отложили выѣздъ свой изъ Одессы до завтрашняго дня по случаю сѣвшаго на глазъ графа огненнаго ячменя. Итакъ мы ожидаемъ ихъ въ среду. Отсюда они поѣдутъ на южный берегъ. Извѣстно ли благодатному князю, что въ Августѣ назначенъ высочайшій смотръ войскамъ у Вознесенска и что, говорятъ, Государь пожелаетъ оттуда въ Севастополь? Прошу васъ изъяснить князю мое высокое почитаніе.

27 Марта посѣтилъ Ю. Н. графъ Воронцовъ и долго сидѣлъ у него, при чемъ тотъ не преминулъ попросить у графа дать мѣсто въ Ореандѣ нѣкому Николаю Григорьевичу Бухарину, съ которымъ Ю. Н. служилъ въ кампанію 1812 года. 30-го князь Голицынъ принесъ къ Ю. Н. бумаги, полученныя отъ Воронцова и заставлялъ его читать ихъ. «Первая изъ нихъ была записка, поданная императору Павлу графомъ Растопчинымъ. Растопчинъ описываетъ Государю современное отношеніе Европейскихъ державъ къ Россіи. Говоритъ, что начинающія Павловы и къ чему его не привели, что недобросовѣстность и медленность Австріи помѣшали многому, что одна лишь Англія въ торговомъ своемъ махіавелизмѣ болѣе всѣхъ выиграла. Растопчинъ предлагаетъ Императору свои услуги, состоящія въ томъ, чтобы будто бы подъ видомъ гнѣва государева онъ долженъ отлучиться за границу; тайно пріѣхавъ въ Парижъ, онъ потребовалъ бы тайнаго свиданія съ Наполеономъ и предложилъ бы ему совокупный съ Австріей раздѣлъ Турецкой имперіи, предоставляя Египетъ Франціи, нѣкоторыя области Австріи, а Румелію, Булгарію и Молдавію Россіи; отсюда онъ также бы тайно отправился въ Вѣну и проч. Эта секретная нота приправлена собственноручными замѣчаніями самого Павла; они отличаются Спартанскою краткостью и Русскимъ остроуміемъ. Вторая бумага составляетъ записку, написанную вслѣдствіе желанія объявленнаго графу Растопчину в. кн. Екатериной Павловной объ обществѣ Мартинистовъ. Здѣсь ничего дѣльнаго не написано, кромѣ ругательствъ и остротъ. Растопчинъ понятія не имѣлъ объ этомъ предметѣ и клеветалъ на него, какъ только умѣлъ. Последняя состояла въ копіи съ письма графа Орлова Екатерины II, гдѣ тотъ признается передъ Государыней и приноситъ ей повинную свою голову вмѣстѣ съ другими, рассказывая, что случилось на ужинѣ, бывшемъ у Петра III 6-го Іюля 1762 года*). Это письмо замѣчательно тѣмъ, что совершенно избавляетъ мудрую Монархиню отъ нареканія потомства. Но странно то, о чемъ утверждаетъ графъ Растопчинъ, какъ самовидецъ, что письмо на старенькой бумагѣ видѣлъ онъ въ рукахъ Павла и тотъ, пзорвавъ его, бросилъ въ каминъ. Вчера графъ прислалъ мнѣ копію также съ замѣчательной бумаги, это было представленіе императору Александру о состояніи вѣрннаго корпуса графу Воронцову при вступленіи въ Россію послѣ трехлѣтняго пребыванія или стоянія его во Франціи». День этотъ Юрій Никитичъ закончилъ чтеніемъ «Загробнаго супружества» Сведенборга.

*) См. Архивъ князи Воронцова, кн. XXI-я.

На слѣдующій день опять пріѣхалъ графъ Воронцовъ, долго сидѣлъ у Ю. Н. и говорилъ вполне откровенно, пенялъ на то, что въ Одессѣ заводили женскій монастырь, и радовался о «богатой и неисчерпаемой находкѣ въ здѣшнихъ безлѣсныхъ краяхъ антрацита, который, по его словамъ, много прибыльнѣе для государства, чѣмъ копи золота».

Къ князю А. Н. въ скоромъ времени должны были пріѣхать двѣ гости: Турчанинова, извѣстная своимъ чудодѣйственнымъ лѣченіемъ, и В. А. Муравьева, дальняя родственница князя. Пріѣздъ послѣдней былъ весьма нежелателенъ для Бартенева и онъ рѣшилъ хоть на время удалиться изъ Кореиса, чтобы полѣниться и пожить въ покоѣ, не раздражаясь на злоупотребленія лицъ окружавшихъ князя. Онъ велѣлъ себѣ подыскивать квартиру въ Симферополѣ, гдѣ жилъ его благодѣтель А. П. Казначеевъ, и исподволь сталъ укладывать свои книги. 4-го Апрѣля онъ записалъ «Сегодня я чувствовалъ себя безъ корня, безъ Бога; душа моя искала на что бы упереться, чѣмъ бы заняться; все шатко, все ограничено, все неудовлетворительно, все испорчено». Пріѣхалъ около этого времени Казначеевъ и общалъ Ю. Н. отыскать квартиру. 7-го Апрѣля собрались у Ю. Н. князь А. Н. Голицынъ, графъ Воронцовъ со своею женою и другіе. Много было говорено между прочимъ объ обществѣ вольныхъ матросовъ, которое было учреждено въ 1834 году графомъ вопреки большому сопротивленію его противниковъ при Государѣ. Основаніемъ сего общества, по мнѣнію Ю. Н., графъ сдѣлалъ себѣ безсмертный памятникъ. А мы вичего не знаемъ объ этомъ обществѣ и его судьбѣ!

Здоровье Ю. Н. настолько поправилось, что онъ говѣлъ и причащался, хотя и принужденъ былъ сидѣть въ алтарѣ; обѣдно же 11-го Апрѣля онъ выстоялъ почти всю и среди дня поѣхалъ къ своему князю. «Князь очень мнѣ обрадовался», писалъ Ю. Н., и щупалъ лицо мое, желая извѣдать, какъ похудѣлъ я. Вскорѣ пріѣхали къ нему графъ и графиня Воронцовы съ генераломъ Ѳедоровымъ, военнымъ губернаторомъ Бессарабіи; этотъ Ѳедоровъ обыкновенно правилъ должность графа Воронцова, когда тотъ уѣзжалъ въ чужіе края или въ долгій отпускъ.

«Графъ сейчасъ же обратился ко мнѣ и сказалъ, что онъ вздумалъ съ Ѳедоровымъ ко мнѣ заѣхать и познакомить сего послѣдняго со мною. Графиня также со мною была очень обязательна, подѣла ко мнѣ, показывала мнѣ участіе. Генералъ Ѳедоровъ сказывалъ мнѣ между прочимъ, что графъ имѣетъ привычку его, то-есть Ѳедорова, знакомить съ тѣми, кого онъ, графъ, любитъ или начинаетъ любить и вслѣд-

ствіе этого «графъ и хотѣлъ, чтобы я, продолжалъ Θεодоровъ, съ вами познакомился».

Все это было весьма пріятно и «наполнило душу Юрія Никитича какимъ-то удовольственнымъ настроеніемъ».

12 Апрѣля Ю. Н. поѣхалъ въ Алупку. Дадимъ повѣствовать ему самому: «Мы ѣхали по верхней дорогѣ; виды очаровательно - величественные. Алупка казалась у самаго моря; мы поворотили направо и стали спускаться къ церкви, отъ церкви къ замку. Въ то время у Воронцова сидѣлъ нашъ князь; общество было многолюдно - пестрое. Графъ принялъ меня обязательно и самъ подалъ мнѣ кресло, графиня также немножко приласкала. Графъ повелъ меня по комнатамъ замка въ свой кабинетъ, въ кабинетъ графини; въ послѣднемъ стоитъ въ углу родъ кивота, въ которомъ сохраняется собственноручное письмо императрицы Александры Θεодоровны къ хозяевамъ дома. Между тѣмъ явились Татары съ своей серенадой, явились Русскіе мужички, началась тарабарская музыка, пѣсни, пляска въ присядку. Послѣ князя графъ куда-то отлучился, и я, видя, что нечѣмъ больше заняться, пригласилъ случившагося здѣсь Гартвиса идти въ верхній садъ. Видѣлъ два прекрасныхъ кипариса, посаженныхъ будто руками Потемкина, видѣлъ нѣсколько водопадовъ, игриво скачущихъ со скалъ, видѣлъ раздробленные горы какимъ-то незапамятнымъ событіемъ и около разбитыхъ частей пробѣгающія дорожки, въ угловатостяхъ которыхъ виднѣются прелестнѣйшіе, величественнѣйшіе, разнообразные ландшафты, въ основаніи коихъ Черное море, бурное или спокойное, но всегда прекрасное. Верхній садъ можно назвать весь циклопической развалиной. Иногда встрѣчаются идиллическіе виды, лужайки съ подтропичными растеніями. Такимъ образомъ, мнѣ удалось видѣть три кедра Ливанскихъ, двѣ Калифорнскихъ сосны; послѣднія завязываютъ плодъ. Иногда встрѣчались вѣсковыя деревья, но непокрытыя еще зеленью. Описывать мудрено вслѣдствіе извѣстнаго стиха

Не пей Пермескихъ водъ,
Цль выпей ихъ до дна.»

А въ заключеніе Ю. Н. вписалъ слѣдующее замѣчаніе: «Душа моя, напивавшись земнымъ величіемъ, была въ какомъ-то величественномъ настроеніи, которое однако переходило въ кисло-сладкое, когда напоминалъ себѣ пахлестанную обязательность почтенныхъ хозяевъ».

Квартира въ Симферополѣ подыскивалась очень хорошая, недалеко отъ собора, съ обширнымъ тѣнистымъ садомъ, съ платою по 25 р. серебромъ въ мѣсяцъ, начиная съ 1-го Мая. Нѣкто Зоммерфельдъ, арендаторъ имѣнія великой княгини Елены Павловны, предложилъ своихъ

лошадей и экипажъ для переѣзда. Юрій Никитичъ ликовалъ, а тутъ еще пріѣхалъ графъ Воронцовъ. «Онъ взошелъ со своимъ фаворитомъ Щербининымъ. Я предъ вами виноватъ, сказалъ графъ, въ моей неумышленной неучтивости, что я оставилъ васъ, когда вы меня постигли, и пріѣхалъ навѣдаться о вашемъ здоровьи. Я васъ потому оставилъ, что мнѣ нужно было подписать нѣкоторыя не терпящія отлагательства бумаги. Я отвѣтствовалъ ему, что я гулялъ по его верхнему саду и провелъ время очень хорошо... Графъ сказалъ мнѣ, что онъ отправляется въ чужіе края на 15 мѣсяцевъ и хотѣлъ еще разъ захватить проститься со мною».

Юрій Никитичъ неумѣренно радовался въ присутствіи князя Козловскаго тому, что ему удастся скоро переѣхать въ Симферополь; а этотъ, креатура самого Бартенева, передалъ все сестрѣ князя Е. М. Кологривовой.

Старый знакомый Ю. Н. Ѳедоръ Александровичъ Голубинскій не забывалъ его и прислалъ письмо о Шеллиговой философіи *); это письмо напомнило Ю. Н. о смиренномудріи христіанна церкви апостольской. А письмо Александры Петровны Хвостовой, «почти слѣпой и мастито-дряхлой женщины» совершенно его растрогало. Приведемъ это своеобразное, свѣжее письмо полностью.

Письмо А. П. Хвостовой.

«Давно ожидаемое, по все милое письмо твое получила я недавно, другъ мой Юрпѣйка. Скорбно мнѣ видѣть изъ него, что ты хвораешь. Что же это за чудо въ земномъ человѣкѣ, что онъ никогда не можетъ помириться съ стихіями? Недовязательство ли это, что *перстный не возобладалъ* еще имп, и что онъ не царь еще, но подданный падшей природы? Другъ милый, въ болѣзняхъ и скорбяхъ неотъемлемыхъ, неизбѣжныхъ въ горестномъ пришествіи нашемъ, надо, *съ помощью Божіей*, поступать *владычественно* съ тѣломъ нашимъ. Скажи ему грозно: ты хочешь болѣть; ну боли, коли тебѣ хочется, а я все, уповаю на Господа, поклоняюсь наказанію Его, а твоему пищанію не внемлю. Повѣрь, что оно замолкнетъ; и возобладавъ приключайся(?), ты отучиши шалуновъ стихій тревожить тебя по соизволенію ихъ. *Внѣрь*, что и природа и *стихій тишутъ еще падшаго царя своего*. Когда нагрянутъ на плѣшника, на него изливается ярость свою; но когда попадутъ на истиннаго раба Божія, на человѣка, если не совсѣмъ еще возрожденнаго, но прозрѣвшаго уже въ *накибытіе*, они сами, какъ собачки, ложатся къ ногамъ господина своего; и если по собачьей привычкѣ, и

*) Письма этого кн. сожалѣнію не сохранилось. Ю. Б.

укусить иногда для пробы, то улягутся, когда барины погрозить имъ. Вѣрь, другъ мой, что я не сказку, а истину открываю тебѣ, и добрый, безцѣнный князь нашъ тебѣ въ томъ доказательство.

Теперь, для забавы, расскажу тебѣ нашъ Кіевскій пропсшествія. Жидъ и монахъ (не странная ли гармонизація?) пропустили въ народъ, что прошедшее 14-го Марта будетъ такое землетрясеніе, что не только Кіевъ, но и многіе города повергнутся участи Лиссабона. Представь себѣ волненіе легковѣрныхъ. Кто придумывалъ, куда-бы уѣхать, кто снималъ зеркала и чашки съ этажерокъ. Мошенники въ одеждѣ десятичныхъ ходили по домамъ, будто уговаривая укладываться: въ церквахъ повороту не было отъ говѣющихъ. На 14-е весь Кіевъ не спалъ. Но какую же глупую фигуру представили изъ себя легковѣрные, когда утомясь, проснулись 15-го въ своихъ постеляхъ какъ и всегда. Смѣхъ замѣнилъ страхъ. Въ добавку и комета съ длиннымъ хвостомъ своимъ куда-то убѣжала. Вотъ какъ бѣдный, впововатый міръ, чувствуя вину свою, *боится*, не исправляется!—Такъ и у васъ морозы. Бѣдныя камеліи, лавровыя, мпидальныя, олівковые и прочія чудеса, и вы узнали непостоянство счастья! Наши смренныя тополи, каштаны и бѣлыя акаціи, хотя и хмурятся немного отъ необычной перемѣны воздуха, но стоятъ весело, въ ожиданіи лучшаго. Вотъ какъ и изъ природы мы можемъ извлечь подтвержденіе святымъ словамъ Писанія: «Господь гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать». Пожалуйста, полюби смиреніе, другъ мой; ахъ какъ благовонно цвѣтеть оно передъ Господомъ!!!

Вотъ и праздникамъ праздникъ и торжество изъ торжествъ! Поздравь отъ меня милого моей душѣ князя; голубушку Ел. Мих. и всѣхъ твоихъ съ тобою всѣхъ объемию. Каждой птичкѣ, каждому звѣрьку, каждой травкѣ, говорю радость общую: Христось воскресъ! Покинемъ соревонованіе, досады, низкія мѣстности и личности чловѣка падшаго. *Обнимемъ сердечно во Христѣ другъ друга*, чтобъ быть участниками Его воскресенія. Не всѣ ли мы вѣрующіе, едино тѣло, единый духъ о Христѣ Господѣ нашемъ? Щиплетъ ли рука руку, или нога попираетъ ли съ досадой другую ногу? Скотскіе члены наши взаимствуютъ, помогаютъ между собою домостроительству своему. Ужели духъ забудетъ единство возрожденія? Прими, вмѣсто краснаго яичка, отъ духа къ твоему духу воззваніе это. Ахъ, какъ бы была я рада, если бы была умнѣе! Поучи и ты меня, другъ мой, о Христѣ Иисусѣ.

Погода у насъ не постоянная. Третьяго дня было лѣто; вчера выпало снѣга на два вершка; сегодня опять солнце. Всѣ бѣдствія міра говорятъ, что близъ уже, при дверяхъ, Господь избавитель нашъ. Но все это начало только болѣзнямъ, заглавный только листокъ всесвя-

того Евангелія вѣчности! Другъ милый; помолись, чтобы мнѣ, глупой старицѣ, въ пустякахъ послѣдніе дни изживающей, сподобиться радостно встрѣтить грядущаго возлюбленнаго! О крестъ всесвятый, радость моя и упованіе, возсіай мнѣ еще радостіе, какъ ношу тебя всечасно въ сердцѣ моемъ!!!

Прощай, другъ мой Юринька. Скажи милому, доброму князю моему, что я ношу его въ сердцѣ моемъ. Буди милость воскресшаго Господа со всѣми вами. Прощай.

А.

29 Марта 1843.

Кіевъ.

Письма «раздвѣтили однообразіе жизни» нашего сангвиника, и онъ опять ликовалъ; но слѣдующій случай превратилъ радостное настроеніе въ «кислое, во внутреннюю скорбь, близкую къ ппохондріи». Зачитавшись романа Сю, Ю. Н. не успѣлъ ни умыться, не выбриться, какъ вдругъ графъ съ графиней пріѣхали къ нему прощаться. Пришлось принять ихъ въ халатѣ. Графъ сталъ требовать обратно донесеніе свое къ Александру Павловичу, говоря, что у него нѣтъ другой копіи съ этой бумаги. Но Ю. Н. весьма огорчился на «сію прикрытую недовѣрчивость» онъ увидѣлъ тутъ «остуженное чувство вельможи, недовѣряющее чести своего ближняго». «Его предупредили обо мнѣ», замѣчаетъ Ю. Н., «и можетъ быть оклеветали».

Подъ 24 числомъ находимъ слѣдующую записъ: «Не успѣлъ я одѣться и умыться, какъ вдругъ нечаянно приходитъ ко мнѣ князь А. Н. Голицынъ. Онъ пожаловалъ ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы позвать меня обѣдать къ себѣ. Я прочиталъ ему повѣсть, переведенную изъ новаго журнала Illustration подъ названіемъ: Лекаръ по неволѣ. Князь очень остался доволенъ занимательнымъ разсказомъ этой повѣсти. Мы вмѣстѣ изъ Корейса пошли къ нему пѣшкомъ. Катя сопровождала насъ и когда она воротилась назадъ, то князь вызвался вести меня и далъ мнѣ свою руку; такимъ образомъ слѣпой вель хромого. До обѣда пріѣхалъ навѣстить его одинъ Англійскій лордъ, большую часть своей жизни путешествующій по чужимъ странамъ, а Россію онъ изѣздитъ по всѣмъ направленіямъ, былъ въ Астрахани, Грузіи, Закавказьи и гдѣ только онъ не былъ. Онъ другъ и школьный совоспитанникъ графа Воронцова и большею частью живетъ съ нимъ вмѣстѣ въ Одессѣ или въ Алупкѣ. Полу-старикъ благородной наружности. Говорили о Людовикѣ XVIII; онъ разсказывалъ о немъ занимательный разговоръ, слышанный имъ отъ Дюпентрена *). Обѣдъ у князя былъ изобильный,

*) Guillaume Dupuytren 1777+1835, извѣстный Французскій хирургъ, врачъ Людовика XVIII. Ю. Б.

была, между прочимъ, зеленая каша и ранеты. Послѣ обѣда пріѣзжала простаться съ княземъ вдова Орлова съ семействомъ ея брата, генерала Раевского. Потомъ пріѣхала графиня Воронцова, чтобъ почитать князю. Она довольно времени при мнѣ читала и растолковывала мнѣ предшествующія мѣста разсказа. Вечеромъ долго сидѣлъ у меня князь Козловскій. Пробовали вино, присланное мнѣ Гартвисомъ; оно оказалось достойнымъ царскаго вкуса—ароматъ, крѣпость, сладость его похожи на люнель. Сестра князя была предметомъ домашняго разговора, который навелъ на меня несказанное уныніе. Незвѣстность моей участи, обстановка себя людьми загадочнаго расположенія, все разрывало во мнѣ грусть, которая прекратилась однимъ сномъ».

25 Апрѣля Ю. Н. собрался въ церковь. Послѣ обѣдни пѣли молебенъ для отъѣзжавшей графини Елисаветы Ксаверьевны Воронцовой. «Мы размѣнялись вѣроятно послѣдними взаимными пожеланіями», записалъ Ю. Н.; «она отправляется въ чужіе края на 15 мѣсяцевъ, а я, если не умру, то не захочу, когда Богу угодно будетъ позволить, остаться здѣсь въ Крыму еще и на полгода. Дай Богъ ей счастливый путь! Эта женщина бросила мнѣ вѣскольکو цвѣтковъ утѣшенія; положимъ, что они были и поблеклые, но все-таки цвѣтки, а не иглистые и терновыя вѣтви, которыя бросаютъ мнѣ даже тѣ, которыхъ я одоужалъ въ жизни».

Одной изъ такихъ тернистыхъ вѣтвей была какая-то сплетня, которая наполнила его душу «невыразимымъ смятеніемъ и скорбью».

Наступилъ Май; дни дождливые и ненастные тянулись однообразно; чтеніе, посѣщенія князя, бесѣды съ нимъ, приготовленіе къ отъѣзду занимали Ю. Н.; а князь Козловскій между тѣмъ платилъ зломъ за добро. Стакнувшись съ сестрою князя, онъ всячески старался черпнуть въ его глазахъ Юрія Никитича. И вотъ Ю. Н. окончательно рѣшается, послѣ лѣченія въ Симферополѣ, отправиться въ Петербургъ и заняться дѣлами Печерской компаніи. Князь же ничего ему не говорилъ объ его отъѣздѣ, напротивъ успивалъ свое вниманіе, что и было особенно для него больно.

Къ 12-му Мая почти всѣ вещи, которыя надлежало взять, были уложены въ 18 ящиковъ, и въ этотъ же вечеръ пріѣхала къ князю Голицыну извѣстная своимъ магнетическимъ лѣченіемъ, производившимъ якобы чудеса, Анна Александровна Турчапинова. Князь нетерпѣливо ожидалъ ея и желалъ познакомиться съ нею Юрія Никитича, который и самъ интересовался этой необыкновенной женщиной. А пока онъ ожидалъ свиданія съ прибывшею знаменитостью, пришло письмо изъ Кіева отъ его любвеобильнаго друга, Александры Петровны Хвостовой. Не вѣрится, что письмо это писано 70-лѣтней старухой.

Письмо А. П. Хвостовой.

Милое письмо твое дунуло на меня пахомъ любви, и сердце узнало тотчасъ добраго прежняго моего Юриньку. Уже ли подлинно было въ письмѣ моемъ что-нибудь такое, которое, какъ вѣяніе духа, раздуло въ тебѣ потухающую искру единокровія? Если такъ, ахъ какъ желала бы я быть умнѣе, богатѣе силами духа, чтобъ раздуть въ тебѣ тотъ *пожаръ* любви, которымъ сгорать такъ сладко и къ которому твое сердце способно, если ты выгонишь изъ него феноменическій призракъ, Юринька. Намѣреніе твое купаться въ Сакскихъ грязяхъ мнѣ что-то не по сердцу. Въ артритическихъ болѣзняхъ сѣрные ванны, особливо баня самопреданія и терпѣнія—лучшее и дѣйствительнѣйшее лѣченіе. Подумай самъ, другъ мой: болѣзни наши тѣлесныя не чистилище ли наше въ премудрости святого, всесвятаго Провидѣнія? Естьли бы кусокъ золота заупрямился идти въ горнило, гдѣ взять бы онъ блескъ и красу? И всѣ лѣченія слѣпотоу челоуѣчества нашего превозмогутъ ли когда предопредѣленіе всесвятаго Врача Небеснаго, который, изведя болѣзнь по силамъ, не отступить отъ спасительнаго плана своего? Мой материнской, дружеской, на опытъ основанный совѣтъ—покинуть чрезвычайныя средства и надежды; онѣ не только бесполезно обманчивы, но задерживаютъ процессъ очищенія немняемаго. Артритическія болѣзни, хотя онѣ залогъ долгой жизни, не менѣе неизлѣчимы. Я сама не 30-ли лѣтъ подагра съ головы до ногъ? Она у меня отняла лѣвый глазъ, лѣвое ухо, почти обѣ ноги; но я живу еще, люблю, помня и прославляя правду и милость Божию; между тѣмъ, когда сводить ноги или рукъ, помазываю ихъ чѣмъ-нибудь елейнымъ, и «терпя, терплю Господа, да спасуся».

Максимовичъ твой недоволенъ мною, какъ я вижу. Когда-то попалась мнѣ ректорская рѣчь его о философіи. Прекрасная по дрянной системѣ звѣздной учености, но нѣмая, протезная, истинно ничего не опредѣляющая. Философія *есть превосходная наука жизни* по словамъ его, и точно правда. Но гдѣ же и въ чемъ найдемъ эту жизнь? На которой же изъ тысячи системъ, ни одна съ другою несогласующихся, найдемъ мы ту Ариаднину нить, которая вывела бы насъ изъ лабиринта спорящихъ между собою умозаключеній? Не знаю, какой-то шатунъ дернулъ меня написать къ нему возраженіе по чувствамъ моимъ. Мнѣ кажется, что всѣ философы міра похожи на Донкишота Ламанскаго. Всѣ ищутъ какую-то Дульцинею Тобозскую. Всѣ воображаютъ видѣть въ ней принцессу обвороженную. Но кто же эта принцесса завороженная?... Глухая крестьянка, толстая, которая мѣситъ

пирогѣ или на рѣчкѣ моетъ замаранные тряпки свои. И даруй Богъ, чтобъ ошибка эта была только смѣшна, а не губительна. Хочешь ли, чадо, познать истинное любомудріе? Ищи его въ единомъ Богѣ. Разбери въ себѣ, кто ты и откуда. Сотвори тебя изъ земли, Творецъ твой и Богъ, вся Троица Святая, вдунула въ тебя образъ свой и подобіе; на что же они? Отецъ Всесвятый даровалъ умъ свой, то есть, око недремлющее внутреннее, которымъ, всегда вникая во всевидящее око Божіе, человѣкъ почерпалъ бы изъ онаго повелѣній, какъ хранить и воздѣлать порученную ему природу. Сынъ Единородный даровалъ ему любовь и послушаніе свое Богу. Се Духъ Всесвятый осѣнилъ его сплани своими, которыми и повинѣтъ человѣкъ все можетъ о помогающемъ ему Господѣ. Вотъ гнѣздо, гдѣ зиждется премудрость! Но бѣдному Максимовичу оно не полюблилось. Воскресимъ образъ Божій и подобіе его въ себѣ, другъ мой!... Помолись о семъ и обо мнѣ грѣшной, и тогда Дульциней наши исчезнутъ и съ почитателями своими.

У насъ погода ни на что не похожая. Нѣтъ никакаго сезона опредѣлительнаго. Комета все перепутала. Что-то у васъ? Что-то камелии ваши, розы безпрестанно цвѣтущія, и всѣ прелести Юга, которыя рѣзвушка комета помяла хвостомъ своимъ? Охъ какъ и объ нихъ болить сердце мое! Природа двойнишная сестра человѣку, и какаѣ еще? За шалости братца наказанная. Можемъ ли безъ скорби видѣть ея страданія? Въ массѣ преступныхъ и я сколько вздоховъ извлекла отъ несчастной! Сколько живыхъ существъ погбило, можетъ быть, отъ тлетворнаго моего дыханія! Другъ Юрпнякъ, поклонись за меня вашимъ милымъ страдалцамъ и скажи имъ тайно, что я сердечно признаю вину мою: авось имъ будетъ отъ того полегче.

Мнѣ сказалъ вѣкто, что графъ Воронцовъ будетъ къ вамъ на праздники. Какъ рада я за вѣкоторые часы дня милаго моего князьки. Но ему такъ хорошо самому съ собой, что все постороннее—эпизоды человѣческіе.

Сашу все еще ожидаю: и это не крестъ ли? Но что жизнь безъ креста!!! Городскіе слухи общають Прянишникову нашего сюда для обозора. Говорятъ, что онъ даже и до Крыма пустится; но я отъ нихъ ничего объ этомъ не слышу.

Если ex-rector нашъ М... не искуснѣе въ философіи, какъ въ нумпзматикѣ, добро ему, что онъ оставилъ кафедру. Онъ въ грѣзахъ своихъ окрестилъ сѣдока Татарина въ Георгія Побѣдоносца, приплелъ къ нему Генуэзцевъ и вывелъ цѣлый романъ фантастической *). Но здѣсь, гдѣ Генуэзцы не бывали, найдены точно такіе же и серебряные и золотые

*) Говорятся о М. А. Максимовичѣ.

перстни и всѣ розыски ученыхъ соглашаются признать, что перстни эти должны были принадлежать какому-нибудь начальнику легіона Татарскаго; и такъ и талисманъ М... сдѣлался, какъ и философія его, Дульгинею Тобозскою. Но такъ какъ грѣзы человѣческія прилипаютъ одна къ другой, какъ атомы пыли въ комнаты, и мнѣ пригрѣзилось *окрестить* духъ убитаго въ перстнѣ его. Во имя Бога живаго, предъ Которымъ нѣтъ ничего несуществующаго, я окрестила духъ бѣднаго Татарина и надѣла перстень на *указательный палецъ Хвостовой*, чтобы и онъ ограждался знаменіемъ Животворящаго Креста. Вотъ и мои грѣзы, другъ мой! Но кромѣ любви, что не грѣза въ мірѣ грѣзовъ земныхъ? Ты получишь перстень послѣ меня, а если угодно и теперь. Дѣло мое сдѣлано, и бѣдный духъ давно уже крестится о Господѣ Иисусѣ.

Безцѣнному князю хотѣла бы найти что сказать изъ приверженнаго духа, но слова человѣческія такъ оподлились, что говорить пни о любви совѣстно. Пусть Господь любовью впнетъ изъ сердца моего какой-нибудь атомъ въ его сердце!

Прощай, любезный сердцу моему, Юринька! Люби и живъ будешь любовью; она одна безсмертна. Прощай».

13-го Мая пришелъ къ Юрію Никитичу князь Голицынъ и звалъ къ себѣ обѣдать; погода была не хороша, и Ю. Н. отказывался, но добрый старецъ сталъ перечислять кушавья, и «сочиво ветхозавѣтное плѣвило меня», пишетъ Ю. Н. «Я пошелъ съ нимъ, и князь повелъ меня, дабы представить А. А. Турчаниновой».

«Я нашелъ ее, эту женщину прославленную въ столицѣ, даже въ цѣлой Россіи, чудодѣйственными силами врачеванія магнетическаго, лежащую въ постели, что она дѣлаетъ уже нѣсколько лѣтъ. Разговоръ начался въ духѣ психологическомъ. Хозяйка взяла тетрадку и прочитала намъ въ оной свое воззрѣніе на человѣчество. Взглядъ ея былъ психолого-фізіологическій, логика твердая, умозаключеніе ясное, и все пропикнуто возвышенными озареніями. Слушая, по мѣрѣ чтенія, я въ душѣ своей говорилъ ей аминь на все.

Турчанинова хочетъ передать таинство врачеванія Берлинской Академіи Наукъ; для нея-то она приготовила и эту тетрадку. Свойство ея лѣкарства таково, что оно само сражается въ тѣлѣ съ сокрытымъ недугомъ и изъ затаеннаго болѣзненнаго застоя обнаруживаетъ болѣзнь въ видимость и врачуетъ. Давши лѣкарство, Анна Александровна сама не знаетъ, какія оно окажетъ послѣдствія и что станетъ дѣлать въ тѣлѣ человѣческомъ. Госпожа Турчанинова женщина болѣе 50 лѣтъ, довольно полная, съ фзіономіей благородной; типъ лица Турецкій. Она позволила мнѣ ходить къ себѣ и привести жену мою».

Всегда быстро увлекающійся, Ю. Н. написалъ о Турчанниновой восторженное письмо А. П. Хвостовой. Та отвѣчала ему слѣдующее:

«Смотри, какъ ты сдѣлался влюбчивъ, дружокъ мой Юринька! Явилась на Югъ А. А., и ты тотчасъ обворожился ею. Я сама очень жалѣю, что съ ней не познакомилась. Любезность и умъ и въ мужчинѣ плѣнительны; но въ женщинѣ они какой-то радужностію облекаются, отъ которой и свѣтло и радостно; изъ всѣхъ умницъ, которыхъ я въ поприщѣ жизни моей перевидѣла, одна только m-me Stael оцѣняла сердце мое. Она не такъ, какъ тебя нѣкто, липовой банею обдавала меня, но какимъ-то инеемъ Мартовскимъ, который скрючивалъ меня въ три погибели; изъ подъ ея чепчика мнѣ мерещился *le bonnet quarré du docteur de Sorbonne*. Напрасно искала я въ ней милаго, неизмѣняшагося облика любезности женской: она любезничала иногда, но спазмодически. Эта сухая любезность исчезала мгновенно, *et le bonnet quarré, oublié un moment, reprenait ses droits*. Я тебѣ говорю это не въ осудъ г-жи Сталь, но въ мѣру моего невѣжества; можетъ быть, и я поумнѣла бы съ нею.

Философія человѣческая похожа на дремучій лѣсъ, по которому блуждавшіе пробили тысячи тропинокъ, пересѣкающихъ другъ друга. Нерѣдко случается, что тотъ, который силится идти впередъ, попавъ на перекрестную тропинку, слова попадаетъ на ту же точку, съ которой тронулся или, что и еще хуже, упадаетъ въ яму безвѣрія; а въ нашемъ философскомъ вѣкѣ примѣры тому на каждомъ шагѣ встрѣчаются. Что же прибыли въ тезахъ и антитезахъ лжеучителей вѣка? Добрѣ ли, нравственнѣ ли стали человѣки? Скажи, счастливѣ ли они?.. Ты не можешь не признаться, что мы и въ примѣрѣ не можемъ стать съ простодушными, по счастью невѣдавшими Лейбница, прадедами нашими. Не по плоду ли познаютъ дерево? Какой плодъ принесли намъ философскіе вѣка? Не оправдался ли въ насъ великій ученнкъ славнаго Гамалила, въ дерзновеніи о Богѣ дерзнувшій сказать: «мы же умъ Христовъ имамы!» Прочти, что пишетъ онъ къ Колос. гл. 2, ст. 8. Тотъ, кто самъ возвращенъ былъ философомъ и философіей, не похвалялъ ли бы систему прежнюю, еслибы умъ Христовъ не отверзъ ему очи духовныя? Гдѣ же найдемъ мы путь, выпутаемся изъ лабиринта умозаключеній пагубнаго вѣка нашего? Нигдѣ, другъ мой Юринька, кромѣ того источника, изъ котораго такъ богато псалилъ познавшій во Христѣ ничтожность ученія по стихіямъ міра.

Вотъ и я разболталась, вотъ и изъ-подъ моего чепца высунулся *le bonnet quarré du doct. de Sorbonne*. Чувствую, что опроверженія мои дунуть тебѣ пахомъ перца и уксуса. Но если благословить Господь любей, ты со временемъ почувствуешь въ нихъ и елеиность любящаго сердца

моего. Другъ мой и сынъ души моей, сама превѣчная, всесовершенство-
ная любовь Господа Иисуса Христа не всегда по головкѣ гладить насъ:
не тотъ любить, кто балуетъ. Пути Господни острыми ложатся съ на-
чала, но благо претерпѣвающему: остріе это скоро въ пути гладіе
обращается. Слава милосердому Господу! Поглупѣй, Бога ради, другъ
мой. Брось подъ столъ безжизненныхъ твоихъ учителей. Это сальныя
плошки, которыя только очадаютъ голову; а мнѣ прости дружескую
болтовню мою. Ахъ, какъ бы хотѣлось видѣть все и всѣхъ счастли-
выми о Христѣ! Ибо въ Немъ одномъ и покой, и вѣдѣніе, и жизнь.

Какъ рада я, что добрый князенька нашъ окруженъ теперь пласти-
ческими существами по сердцу его. Замѣть, что я учусь у тебя фра-
зировать. Смотри, какъ всякая философія, даже и сердечная, ошибочна.
Философія любящаго князя сердца моего представляла мнѣ пучину го-
рестныхъ возможностей, я и воздухъ и землю перевѣсила въ страхѣ
любви; и что же, и тутъ разумъ осѣлся объ камень вѣры: добрый
князь мой завернулся въ броню вѣры, покрылся шлемомъ упованія и
умница моя—разумъ, не въ первый принужденъ былъ опустить кры-
лышки. Слава обезумливающему безпрестанно падшій разумъ нашъ
Господу! На досугъ прочти въ Ис. Сиринѣ параллель его разума и вѣ-
ры; а между тѣмъ вытщи изъ ученой твоей головешки всѣ возмож-
ные физиологическіе, психологическіе и прагматическіе доводы. Увѣрь
безцѣннаго князя нашего, что онъ глубоко живетъ въ сердцѣ моемъ.

Прощай Юрияшка, другъ мой, люби дружочекъ всѣхъ и вся! Жизнь
безъ оболочки любви—сухой остоветь, мертвецемъ припахивающій. Про-
щай еще.—Комета и меня со всѣми любопытными занимаетъ. Непмо-
вѣрно длинный хвостъ ея на Западъ указываетъ; не будетъ ли тамъ
чего?...

Далѣе въ дневникѣ Юрія Никитича читаемъ:

«Тоска посбавилась съ сердца, извѣстное занятіе*) сосредоточива-
етъ меня съ собою: я не тяготился въ продолженіе цѣлаго часа. Слава
Богу, поразившему вражій міръ! Слава любви и сердцу Божьему! Сла-
ва, благодареніе и поклоненіе жемчужинѣ вѣнца Божія, его безпримѣр-
ному и безприкладному милосердію!»

Въ ближайшее Воскресенье Ю. Н. съ своей женой отправился къ
Турчаниновой, къ которой пришелъ и князь Голицынъ. Хозяйка раз-
сказывала гостямъ о поразительныхъ врачеваніяхъ своихъ и даже

*) Полуночная молитва, совершаемая при извѣстныхъ пріемахъ, практикуемыхъ
всеми, даже и не христіанскими аскетами. Много времени спустя, Ю. Н. подавалъ
одному весьма высокопоставленному лицу записку, гдѣ разъяснилъ всю важность такой
молитвы. Дошла ли она по назначенію, не знаетъ, но во всякомъ случаѣ она не ока-
зала воздѣйствія: времена были уже другія. Ю. Б.

показывала аттестаты отъ излѣченныхъ. Особенно обратилъ ихъ вниманіе случай выздоровленія отъ ревматизма столь сильнаго, что у пациента рука и нога стали сохнуть. «Видимо», замѣчаетъ Ю. Н. «она не противъ того, чтобы и я у нея полѣчился; князь также мыслить; но если рѣшиться лѣчиться у нея, тогда надобно будетъ слечь въ постель на неопредѣленное время. Пришедши домой, признаюсь, я поколебался въ своемъ намѣреніи ѣхать въ Симферополь, но предоставилъ волю Божіей; что она всеблагая внушить въ меня, то и дѣлать надлежитъ».

Наконецъ, 19-го Мая послѣдовало у Юрія Никитича объясненіе съ княземъ Александромъ Николаевичемъ.

«Я представилъ ему обо всѣхъ нуждахъ моихъ и моемъ истинномъ положеніи; но по слѣпотѣ князю мудрено было объять всю полноту моей неловкости и неудовлетворительности моего состоянія. Онъ, какъ вельможа, многого не могъ понять изъ моего состоянія. Князь во многомъ и во многихъ случаяхъ находилъ затрудненія; можетъ быть, онъ былъ и правъ. Но порѣшили тѣмъ, чтобы я написалъ къ нему письмо, гдѣ бы описалъ свое состояніе и изобразилъ бы два рода условій: первое, что ежели здѣсь оставаться въ Крыму, то пусть прибавятъ къ моему содержанію; ежели же нѣтъ, то пусть дадутъ мнѣ на лѣченіе нѣкоторую сумму и когда выздоровлю, то чтобы Государь благоволилъ пожаловать мнѣ какое нибудь мѣсто въ столицѣ. Письмо мое князь обѣщался въ оригиналѣ препроводить въ собственныя руки Государя. Князь на нѣкоторые отзывы мои, замѣченные въ отношеніяхъ ко мнѣ, называлъ меня мнительнымъ и подозрительнымъ: старый адажъ или припѣвъ, которымъ обыкновенно меня потчуютъ. Этотъ день я и обѣдалъ у князя и послѣ обѣда слушалъ всеобщую въ его домѣ. Поздно уже я возвратился домой и погруженный въ думы. Незвѣстность и болѣзнь смущаютъ меня; ночью я худо спалъ, и загадочные сны тревожили душу мою. Мнѣ приснилось между прочимъ, что будто бы у Московскаго книгопродавца Семѣна я покупалъ изюмъ и черносливъ, я ѣлъ этотъ черносливъ, и мнѣ онъ показался кисель. Все это болѣе или менѣе нехорошо», прибавляетъ Ю. Н., бывший великимъ мастеромъ толковать сны.

Продолжимъ выписки изъ дневника.

20 Мая. «У насъ былъ праздникъ; церковь наша празднуетъ храмовое торжество; былъ церковный ходъ вокругъ церкви, народу множество. Я былъ за обѣдней и молебномъ и радовался, что въ отдаленномъ уголѣ нѣкогда Татарской земли празднуется православное торжество и столько народа находится въ церкви. Погода прекрасная—вѣяніе Майскаго зефира освѣжительное. Я, поздравивши въ церкви князя

А. Н., пошелъ съ поздравленіемъ къ Турчаниновой; мы залетѣли сюда съ Сѣвера, почему же не размѣниваться христіанской вѣжливостію? Я нашелъ Турчанинову нездоровою, дѣвочка ея также заболѣла лихорадкою. Скоро пришла сестра князя и почти выслала меня; я не спорилъ и возвратился домой. Я не хочу входить въ подробности ненавидѣнія, которое питаетъ эта женщина ко мнѣ съ давнихъ лѣтъ. Признаюсь, она много пролила и проливаетъ скорби на жизнь мою. Терпѣніе и упованіе на Бога! Я сомнѣваюсь, чтобы братъ ея все это зналъ: онъ-бы не допустилъ ея».

День былъ посвященъ составленію письма къ князю и прогулкѣ по Татарской деревнѣ. Ю. Н. посѣтилъ хату муллы и просилъ его помолиться Богу, дабы прошла его болѣзнь. «Татары», замѣчаетъ Ю. Н., «не умѣютъ слова по-русски. Бѣдственное состояніе народа непросвѣщеннаго, безотчетность воли и отсутствіе мышленія есть лишеніе личное и общее. Все это наводило на меня острую и глубокую думу. Возвратившись домой, я увидѣлъ, что народъ собирается на комедію, которую ломать пріѣхалъ кто-то. Народъ былъ гуляливъ и пьянъ; признаюсь, неотрадное зрѣлище Русскій праздникъ въ тахіиш своего развитія. Ходилъ посѣщать больную, что лѣчится по методѣ Турчаниновой; какія-то чудныя дѣйствія съ нею происходятъ: у нея, по ея словамъ, такъ вытягиваетъ руки, какъ будто бы вырвать ихъ кто хочетъ. Посмотримъ далѣе».

21-го Мая князь посѣтилъ Ю. Н. и былъ очень ласковъ, но сказалъ, что письма, о которомъ выше говорили, писать не надо, такъ какъ Государь уѣзжаетъ изъ Петербурга. Это весьма огорчило Бартенева, и онъ искалъ утѣшенія въ чтеніи Исаака Сирина; чтеніе это навело его на мысль, что къ молитвѣ надо присоединить и постъ для тѣла, «нѣкоторое крестное лишеніе, отверженіе праздныхъ помысловъ». «Вѣроятно, замѣчаетъ онъ, «эта мысль внушена мнѣ благоизволяющимъ мнѣ существомъ».

Во время прогулки 25 Мая Ю. Н. съ женою своею осматривалъ винные подвалы и спиртовую фабричку. Перегонка спирта изъ прокислаго вина привела его «въ изумленіе, когда онъ поразмыслилъ и приложилъ этотъ простой процессъ къ человѣку».

«Новый и смрадный» проискъ князя Козловскаго судорожно сжалъ сердце Юрія Никитича. «Но Богу — судъ», умиротворенно замѣчаетъ онъ.

«27 Мая князь, продолжаетъ Бартеневъ дневникъ свой, посѣтилъ меня и приказалъ прочитатъ проектъ извѣстнаго письма къ нему. Письмо онъ нашелъ совмѣстнымъ, только въ двухъ мѣстахъ велѣлъ переменить. Потомъ завязался между мною и его сѣятель-

ствомъ интересный разговоръ, гдѣ мнѣ князь доказывалъ, что онъ любить много и постоянно. Князь всегда, по его словамъ, готовъ бы былъ поручить мнѣ что нибудь важное, если-бы появилась въ томъ надобность; но въ пустынной и отшельнической жизни что поручать? Князь долго и убѣдительно говорилъ мнѣ о своей привязанности, и я не могъ не поддаться чарованію столь обаятельному и для дворянина, и для чиновника. Онъ взялъ мою руку и держалъ ее очень долго. Слѣдствіе этого разговора было то, что мнительность моя улеглась; но на долго-ли?... Господи, научи чистой молитвѣ, научи покаянiю, дай вѣру, дай любовь! Сквозь дремоту вижу, что безъ Тебя нѣтъ жизни, нѣтъ самосознанія, нѣтъ ничего. Для Тебя только одного надобно жить, Тебя только одного любить и въ природѣ, и въ искусствѣ, и въ людяхъ!»

29 Мая, въ родительскую Субботу, Ю. Н. самъ читалъ листъ о своихъ усопшихъ предъ жертвенникомъ, и священникъ опускалъ части тѣла Господня въ сосудъ. Послѣ обѣдни князь посѣтилъ Ю. Н., и весь день былъ проведенъ ими вмѣстѣ, а вечеромъ была сдѣлана запись:

«Я замѣчаю, что я напачканъ, такъ сказать, всякою нечистотою; первородный грѣхъ на каждую минуту даетъ себя чувствовать. Сегодня тщеславіе и упойтельный взглядъ на самого себя отравляли духъ мой. Господи, много Ты терпишь отъ насъ, гнусныхъ и извортливыхъ лицемѣровъ. Человѣкъ грѣха на крѣпкихъ ногахъ витаетъ въ душѣ моей; да побѣдитъ благодѣть Божія сего исполина!»

2 Юня князь передавалъ Ю. Н. проектъ своего письма къ Государю и давалъ читать письмо княгини Голицыной, которая описываетъ ему подробности о свѣтломъ духѣ, являющемъ сомнамбулъ Любимыѣ*). «Не знаю, что на это сказать, пишетъ Ю. Н. Господь, вѣроятно, не допустить, чтобъ такое свѣтлое искушеніе принесло оковчательный вредъ нашему доброму князю».

Извѣстіе о новыхъ продѣлкахъ и безстыдномъ хвастовствѣ князя Козловскаго Бартеневъ принялъ хотя со скорбью и сжиманіемъ сердца, но кротко, какъ «испытаніе, посланное свыше для его очищенія, ибо и его сердце засорено гордостью и всякимъ хламомъ».

5 Юня онъ гулялъ съ женой, Лизанькой Франкъ и управителемъ Корейса близъ моря; управитель убилъ двухъ змѣй, и по этому поводу Ю. Н. пишетъ: «Въ феноменическомъ мірѣ нѣтъ рая; если климатъ и природа доставляютъ болѣе процентовъ къ наслажденію, за то сколько гадовъ, нестерпимыхъ для взгляда и холодныхъ для прикосновенія».

*) Висковатовой.

Князь Козловскій становился все болѣе и болѣе нахаленъ, такъ что Ю. Н. нетерпѣливо желалъ ѣхать въ Симферополь, гдѣ его уже съ перваго числа ждала квартира. Гартвисъ усердно звалъ его пожить въ Никитскомъ саду.

Къ 8-му Юнью была взята подорожная, и домашній скарбъ былъ отправленъ впередъ; князь, посѣтивши Ю. Н., прочелъ ему свое письмо къ Государю, гдѣ писалъ все то, о чемъ было условлено. Это обстоятельство и чтеніе госпожи Гюйонъ до той степени настроили на мирный ладъ душу Бартенева, что когда принесли съ почты подпечатанныя письма *), онъ мало негодовалъ и горячился.

Последній день передъ отъѣздомъ изъ Коренса Юрій Никитичъ провелъ такимъ образомъ:

«Отправился обѣдать и прощаться къ князю. Прежде я прочиталъ ему двѣ занимательныя главы изъ продолжительнаго разсказа Евгенія Сю. Князь громко выражалъ свое удовольствіе и оставался очень доволенъ. Обѣдъ былъ очень обильный. Послѣ онаго я кое-что сообщилъ князю: я коснулся заветныхъ думъ его и осмѣлился немножко разблачить ему истину. Онъ первый началъ со мной матерію и увидѣлъ все офанатизированное малодушіе руководительницы его, Московской сомнамбулы. Сестра князева очень также была для меня ласкова, озаботилась отправить въ домъ нашъ для моей жены импровизированный ею обѣдъ. Я очень доволенъ ею съ нѣкотораго времени и разстался съ княземъ и его сестрой съ чистосердечнымъ расположеніемъ. Оттуда зашелъ я къ Турчаниновой и у нея довольно таки посидѣлъ. Говорили о философіи, о наукахъ, о химіи. Она хотѣла открыть мнѣ сдѣланную ею находку изъ растительнаго царства: воспроизводить искусственно молоко, масло, творогъ и при томъ такимъ образомъ, что нельзя отличить все это отъ настоящаго. Вотъ я простился и съ госпожей Турчаниновой!... Богу благодареніе! Великодушія истиннаго, типическаго искать надлежитъ въ одномъ Богѣ, и я не отчаеваюсь найти въ Немъ мое блаженство и раздѣлить его впоследствии съ моими присными.»

На слѣдующее утро 15-го Юня Юрій Никитичъ выѣхалъ съ семьей своей въ Симферополь.

*) Князь Козловскій управлялъ почтовою конторою въ Ялтѣ. П. Б.